

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Кризисные решения в римской религиозной экспертизе
периода Ганнибаловой войны*А. В. Васильев*

Для цитирования: *Васильев А. В.* Кризисные решения в римской религиозной экспертизе периода Ганнибаловой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. Вып. 1. С. 137–147. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.108>

Вторая Пуническая война стала серьезным испытанием на прочность не только для политической системы Римской республики, но и для ее религиозных институтов. Поражения при Тразименском озере и при Каннах вызвали в римском обществе панические настроения, которые способствовали нестандартным подходам в сфере принятия решений по религиозным вопросам и инноваций в области религиозной экспертизы. В период острых военных кризисов сенат нередко принимал решения о введении тех или иных новшеств в религиозные практики, мотивируя это обращением к той или иной религиозной экспертизе, редко применяемой в обычных условиях (Сивиллины оракулы, Дельфийский оракул). Кроме того, в период войны с Ганнибалом римляне вспоминают о довольно редких итальянских практиках гаданий, таких как использование гадательных дощечек из Цере и Фалерий. Также можно отметить более частые упоминания в источниках об обращении римских полководцев к частным религиозным экспертам (в первую очередь к этруским гаруспикам) за консультацией по тому

Андрей Владимирович Васильев — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, a.vasilyev@spbu.ru; ст. преп., Университет ИТМО, Российская Федерация, 197101, Санкт-Петербург, Kronverkskiy pr., 49; <https://orcid.org/0000-0002-0182-4250>, avvasilev@itmo.ru

Andrey Vladimirovich Vasilyev — PhD (History), Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.vasilyev@spbu.ru; Senior Lecturer, ITMO University, 49, Kronverkskiy pr., St. Petersburg, 197101, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0182-4250>, avvasilev@itmo.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01360 «Границы власти: религиозная «экспертиза» и политическая практика в античности».

The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant no. 23-28-01360 “The Limits of Power: Religious ‘Expertise’ and Political Practice in Antiquity”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

или иному поводу. Наконец, в отдельных случаях сами военачальники претендуют на некое личное откровение и используют религиозные чувства воинов в целях укрепления своего авторитета и веры в победу (классическим примером такого рода является Публий Корнелий Сципион Африканский). Анализ подобных фактов позволяет сделать некоторые выводы об изменении религиозной атмосферы в римском обществе в течение войны. Очевидно, что сенат вынужден был реагировать на эти изменения и в поисках дополнительных источников религиозного авторитета расширять круг возможных религиозных экспертов, привлекая подчас довольно экзотические источники (например, признание так называемых Марциевых книг). В долгосрочной перспективе все это не могло не способствовать размыванию авторитета традиционных римских религиозных институтов и генезису религиозного скептицизма.

Ключевые слова: Ганнибалова война, дивинация, Сивиллины книги, кризис, религиозная экспертиза.

Crisis Management in the Roman Religious Expertise during the Hannibal's War

A. V. Vasilyev

For citation: Vasilyev A. V. Crisis Management in the Roman Religious Expertise during the Hannibal's War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2025, vol. 70, issue 1, pp. 137–147. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.108> (In Russian)

The Second Punic War became a serious test of strength not only for the political system of the Roman Republic, but also for its religious institutions. During periods of acute military crises, the Senate often made decisions on the introduction of certain innovations in religious practices, motivating this by turning to this or that religious expertise, rarely used under normal conditions (Sibylline oracles, Delphic oracle). In addition, during the war with Hannibal, the Romans recall the rather rare Italian practices of fortune-telling, such as the use of fortune-telling tablets from Caere and Falerii. One can also note more frequent references in sources to the appeal of Roman generals to private religious experts (primarily Etruscan haruspices) for advice on one issue or another. Finally, in some cases, military leaders themselves claim some kind of personal revelation and use the religious feelings of soldiers in order to strengthen their authority and faith in victory. Analysis of such facts allows us to draw some conclusions about the change in the religious atmosphere in Roman society already during the war. Obviously, the Senate was forced to react to these changes and, in search of additional sources of religious authority, expand the pool of possible religious experts, sometimes attracting quite exotic sources (for example, the recognition of the so-called Books of Marcius). In the long term, all this could not help but contribute to the erosion of the authority of traditional Roman religious institutions and the genesis of religious skepticism.

Keywords: Hannibal's War, divination, Sybilline books, crisis, religious expertise.

Вторая Пуническая война стала серьезным испытанием на прочность не только для политической системы Римской республики, но и для ее религиозных институтов. В историографии фиксируется обилие в исторических источниках об этой войне самых разных продигий, обращение к редко используемым искупительным практикам, а также введение новых игр и даже иноземных религиозных культов с санкции сената¹.

¹ См., например: *Toynbee A. J. Hannibal's Legacy: the Hannibalic war's Effects on Roman Life: in 2 vols. Vol. II. London, 1965. P. 379–382; MacBain B. Prodigy and Expiation: a Study in Religion and Politics*

Тит Ливий, пожалуй, впервые в своем повествовании начинает постоянно фиксировать изменение психологического состояния римского общества и влияние этих изменений на религиозные практики и решения сената в области религии². Вместе с тем власть в поисках объяснения неудачам на поле боя начинает чаще апеллировать к нарушению традиционных римских религиозных практик, как, например, в случае с консулом Гаем Фламинием, который накануне сражения при Тразименском озере покинул город, не совершив положенных церемоний (Liv. XXI, 63, 6–11; XXII, 1, 5–7). Милитаризация Рима в религиозной сфере заключалась в одержимости надлежащим исполнением всех положенных процедур и искуплении знамений³.

В этом ряду стоят также привлекающие меньше внимания исследователей изменения в системе римской религиозной экспертизы в этот период. Действительно, на первый взгляд мы не увидим существенных трансформаций в этой сфере: традиционные для кризисных моментов обращения к Сивиллиным книгам, консультации с понтификами и реже этрусскими гарусниками, в отдельных случаях отправка посольств в Дельфы⁴. Вместе с тем некоторые сведения позволяют судить о том, что римская власть была вынуждена отвечать на общественные запросы даже в такой сугубо консервативной и закрытой сфере, как религиозная экспертиза.

Начнем с того, что даже среди упоминаемых продигий 218 г. до н. э. встречается указание на утончение пророческих дощечек в Цере (Caere sortes extenuates — Liv. XXI, 62, 8). Интересно, что мы не встречаем упоминаний об этих дощечках и подобном знамении в первой декаде труда Тита Ливия. Что они собой представляли, можно предположить на основании рассказа Цицерона о других подобных жребиях в Пренесте: «Пренестинские памятники сообщают, что Нумерий Суффустий, человек почтенный и знатный, часто видел до крайности напугавшие его сны, в которых ему было приказано пойти в определенное место и там разрезать камень. Устрашенный этими снами, он, невзирая на насмешки своих сограждан, проделал это. И вот, когда камень был разрезан, из него выпали жребии, дубовые и помеченные вырезанными на них странными буквами. И теперь это место обнесено оградой и считается священным» (Cic. Div. II, 41, 85–86. Перевод М. И. Рижского). Цицерон поясняет, что к его временам этот вид дивинации уже вышел из употребления, но во времена Ганнибаловой войны он вполне мог считаться древним и проверенным способом изведать волю богов.

Описывая события начала 217 г. до н. э. накануне сражения при Тразименском озере, Ливий снова упоминает о дощечках, на этот раз из Фалерий, которые вдруг стали тоньше, а одна из них выпала сама собой с такой надписью: «Mavors telum

in Republican Rome. Bruxelles, 1982. P. 32; Miles R. Hannibal and Propaganda // A Companion to Punic Wars. Blackwell Publishing, 2011. P. 260; Штаерман Е. М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 107–109; Сморгачев А. М. Римская религия во времена Второй Пунической войны // Пунические войны: история великого противостояния: военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном. СПб., 2017. С. 219–243.

² Впервые после поражения при Треббии (Liv. XXI, 62, 1) и далее с завидной регулярностью.

³ O'Connell R. L. The Ghosts of Cannae: Hannibal and the Darkest Hour of the Roman Republic. New York, 2011. P. 38.

⁴ Подробный разбор см.: Кулишова О. В. Посольства Рима в Дельфы во время Второй Пунической войны // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 5. 2006. С. 277–286.

suum concutit» («Маворс бряцает оружием» — Liv. XXII, 1, 11. Здесь и далее перевод М. Е. Сергеевко.) и связывает это знамение с другим, произошедшим на Аппиевой дороге, где на статуе Марса и статуях волков выступил пот (речь идет, видимо, о храме, посвященном Марсу еще в начале IV в. до н.э.).

Далее Ливий сообщает о том, что после доклада об этих знамениях в курию были введены сами рассказчики (*expositis auctoribusque in curiam introductis* — Liv. XXII, 1, 14). Трудно судить кто были эти рассказчики, но нам представляется, что поскольку в это время Ганнибал уже вступил на территорию Этрурии, то именно этрусские гадатели могли послужить экспертами в трактовке тех или иных продигий, тем более что большинство из них было связано с городами Южной Этрурии. До Второй Пунической войны Рим довольно редко прибегал к их услугам. Возрастание значения этрусских гадателей в официальной сфере начиная с III в. до н.э. связывается с их личными взаимоотношениями с представителями высших кругов римского общества⁵.

В данном случае Сенат прибег к традиционному способу религиозной экспертизы: отдал распоряжение децемвирам обратиться к Сивиллиным книгам за указаниями по поводу искупления знамений. Обилие последовавших жертвоприношений и даров ведущим богам и богиням римского пантеона, а также устроенный лектистерний должны были, по мысли сената, стать адекватным ответом на народные тревоги и успокоить жителей союзных общин Этрурии и Лация.

По преданию, Сивиллины книги появились в Риме еще во времена Тарквиниев и хранились в храме Юпитера Всеблагого Величайшего. Первая засвидетельствованная в источниках консультация с ними имела место еще в 496 г. до н.э., когда диктатор Авл Постумий из-за неурожая повелел дуумвирам священнодействий изучить книги и узнал от них, что оракулы повелевали умиловить Цереру, Либеру и Либеру, которым в результате был сооружен храм на Авентине (Dion. Hal. VI, 17).

М. Бирд предполагает, что одной из обязанностей децемвиров священнодействий (с 367 г. до н.э. их стало 10 и они стали избираться наполовину из плебеев) помимо консультаций с Сивиллиными книгами был контроль над иноземными культами⁶. Однако прямых указаний на это в источниках мы не встречаем и, как отмечает Э. Орлин, подобное утверждение во многом базируется на предполагаемой взаимосвязи Сивиллиных книг с учреждением в Риме греческих культов⁷.

Дионисий Галикарнасский в пространном рассказе по поводу покупки книг царем Тарквинием Гордым упоминает интересные детали о том, как было принято обращаться к книгам (Dion. Hal. IV, 62). Во-первых, к ним прибегали лишь по постановлению сената в случае внутренней смуты, военных неудач или каких-либо сложных для истолкования знамений. Во-вторых, жрецы обязательно должны были обращаться к книгам в присутствии общественных рабов, поставленных под их начало. Наконец, попытка скопировать книги или хотя бы их часть каралась

⁵ Rawson E. Caesar, Etruria and the *Disciplina Etrusca* // JRS. 1978. Vol. 68. P. 132–152; Рюнке Й. Дивинация и принятие политических решений в эпоху Республики // Вестник древней истории. 2005. № 1. С. 34–48. — Об этрусских жрецах-гаруспиках см. также: Васильев А. В. *Exempla* религиозной практики гаруспиков в трактате Цицерона «О дивинации» // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXVII (1). Чтения памяти И. М. Тронского. СПб., 2023. С. 216–226.

⁶ Beard M. Priesthood in the Roman Republic // *Pagan Priests: Religion and Power in the Ancient World*. Ithaca, New York, 1990. P. 20–21.

⁷ Orlin E. Temples, Religion, and Politics in the Roman Republic. New York, 1997. P. 81.

как отцеубийство: Дионисий упоминает уличенного в этом при Тарквинии Марка Атилия, который был зашит в бычью шкуру и брошен в море (ср.: Zon. VII, 11, 1).

Как полагает Э. Орлин, сама коллекция Сивиллиных книг не имела никакого отношения к легендарной пророчице, но была составлена уже в эллинистический период или немногим ранее его начала. Сама история Сивиллы интерпретируется как типично фольклорный сюжет, а связь книг с Тарквинием обусловлена его этруским происхождением⁸.

Впрочем, принимая подобную точку зрения, мы должны отвергнуть не только первое засвидетельствованное у Дионисия Галикарнасского обращение к книгам в 496 г. до н. э. в связи с неудачной войной с вольсками (Dion. Hal. VI, 17), но и обращение к ним по инициативе Марка Фурия Камилла по поводу восстановления города после галльского нашествия (Liv., V, 50). В древности книг никто в Риме не сомневался, но в первой декаде Тита Ливия мы нечасто слышим об их использовании.

Ситуация явно меняется после вступления Ганнибала на землю Италии и первых поражений римлян. Поражение Гая Фламиния при Тразименском озере вызвало в Риме шок и было истолковано как следствие нарушения *раx deorum* из-за пренебрежения обрядами и ауспациями со стороны консула. Об этом недвусмысленно сообщает Ливий, указывая, что диктатор Квинт Фабий Максим добился обращения к Сивиллиным книгам (стоит отметить, что это было уже третье обращение за год), хотя речь в данном случае не шла непосредственно о зловещих предзнаменованиях (Liv. XXII, 9, 8).

А. М. Сморгачев отмечает, что в данном случае авторитет Фабия как авгура сыграл свою роль в том, что именно он выступил инициатором целого ряда процедур религиозной экспертизы. При этом, по мнению автора, большинство искупительных процедур (обеты, повторение сакральных актов, лектистерний) носили вполне традиционный характер⁹.

В то же время решение об обетовании «священной весны» (*ver sacrum*) явно было экстраординарным, так как является единственным исторически зафиксированным случаем подобного обряда. В незапамятные времена различные италийские племена применяли его в случае тяжких бедствий, обещая божеству в жертву все живое, что родится ближайшей весной, но убийство человеческого потомства впоследствии было заменено изгнанием девушек и юношей из общины по достижении совершеннолетия (Fest. 150L, s.v. *manertini*; 519-520L, s.v. *ver sacrum*). Как полагает Дж. Кларк, поскольку на кону стояла верность италийских союзников Рима, то в этот критический момент решено было прибегнуть именно к этому древнему италийскому обряду¹⁰.

Характерно, что коллегия понтификов не сразу утвердила обет о устройстве «священной весны». Верховный понтифик Луций Корнелий Лентул предложил запросить народ о проведении данного обета, что в религиозных вопросах делалось нечасто. Возможно, это было связано с материальными трудностями, которые испытывало римское гражданство и опасениями, что подобное масштабное жертво-

⁸ Ibid. P. 77, 81.

⁹ Сморгачев А. М. Римская религия во времена Второй Пунической войны. С. 220–224.

¹⁰ Clark J. H. Roman Optimism Before Cannae: The Vow of the «Ver Sacrum» (Livy 22.10) // *Mnemosyne*. 2014. Vol. 67. Fasc. 3. P. 412.

приношение может вызвать недовольство сограждан. Во всяком случае, обет был оформлен в виде запроса к центуриатному собранию (Liv. XXII, 10, 2–6; Plut. Fab., 4, 4–6) и выполнен лишь спустя 21 год.

Следующим серьезным испытанием для римского духа стали Канны. «Никогда в невредимом Городе, в римских стенах, не было столько смятения и страха», — пишет Ливий (Liv. XXII, 54, 8). Магистратам и сенаторам пришлось успокаивать народ на улицах, а ежегодный праздник в честь Цереры пришлось отменить из-за обилия скорбящих женщин. Две весталки, Отилия и Флорония, были уличены в блуде: одну, по обычаю, казнили, а другая покончила с собой. В результате было решено не только обратиться к Сивиллиным книгам, но и отправить посольство в Дельфы (Liv. XXII, 57, 5).

Обращением к авторитетнейшему в Средиземноморье оракулу сенат хотел, несомненно, не только укрепить волю к победе у сограждан, но и продемонстрировать всему миру, и прежде всего союзникам, решимость Рима бороться до конца¹¹. Римляне и раньше обращались к Дельфийскому Аполлону. В 222 г. до н.э. они по случаю победы над галлами отправили в Дельфы золотую чашу (Plut. Marc. 8, 6). Как отмечает О. В. Кулишова, для римлян Вторая Пуническая война стала переломной эпохой в процессе проникновения чужих верований и обычаев, прежде всего эллинизации религии¹².

Ярким свидетельством отчаяния римлян в их попытках вернуть расположение богов послужило принесение, в соответствии с указаниями Сивиллиных книг, человеческих жертвоприношений: галл со своей соплеменницей и грек с гречанкой были закопаны заживо (Liv. XXII, 57, 6). Ливий специально поясняет, что эти обряды были совершенно чужды римским священнодействиям, хотя человеческие жертвоприношения совершались на Бычьем рынке и раньше¹³.

Помимо общественной религиозной экспертизы для Второй Пунической войны мы имеем гораздо больше сведений о частных практиках подобного рода. Хотя присутствие этрусских жрецов-гаруспиков при римских армиях зафиксировано в традиции начиная с IV в. до н.э. (Liv. VIII, 6, 12), упоминания о них в первой декаде Тита Ливия носят единичный характер. Именно в ходе Ганнибаловой войны мы все чаще встречаем гаруспиков в роли религиозных экспертов в свите римских полководцев.

Дважды, если следовать повествованию Ливия, гаруспики предупреждают римских полководцев об опасности, которая им грозит. Так, Тиберий Семпроний Гракх в 212 г. до н.э., принося жертву, получает мрачное предзнаменование: трижды неизвестно откуда появившиеся змеи обгрызают печень жертвенного животного, что гаруспики толкуют как указание на угрозу полководцу (Liv. XXV, 16). Спустя некоторое время Гракх попадает в засаду, устроенную луканским перебежчиком, которому он доверился, и погибает.

Второй случай связан с прославленным Марком Клавдием Марцеллом, страстно желавшим сразиться с Ганнибалом и погибшим при неудачной рекогносцировке

¹¹ Кораблев И. III. Ганнибал. М., 1976. С. 159–160.

¹² Кулишова О. В. Посольства Рима в Дельфы во время Второй Пунической войны. С. 282.

¹³ Eckstein A. M. Human Sacrifice and Fear of Military Disaster in Republican Rome // AJAH. 1982. No. 7. P. 69–95; Golden G. K. Crisis Management during the Roman Republic: The Role of Political Institutions in Emergencies. New York, 2013. P. 37.

в Апулии в 208 г. до н.э. Накануне гаруспик показал ему печень первой овцы, которая оказалась без головки, и, хотя у второго животного все было на месте, гаруспику не понравилось, что головка печени выглядела увеличенной (Liv. XXVII, 26, 13-14; Plut. Marc. 29).

Иначе вел себя Квинт Фабий Максим Кунктатор, прославившийся не только «промедлением, которым он спас Рим», но и осторожностью в религиозных вопросах. Фабий постоянно сверяет птицегадания с показаниями гаруспиков, что показывает в нем не только богобоязненность, но и долю рационализма. Как отмечал Ж. Дюмезиль, римляне всегда понимали, что риск в случае обращения к частной религиозной экспертизе неизбежен: гаруспик мог в своих личных интересах солгать или утаить что-либо; поэтому, хотя их использовали, им все же не доверяли¹⁴.

В 215 г. до н.э. консул Фабий, стоявший лагерем под Казилином, не решается переправить войско через Волтурн из-за страшных знамений, о которых ему сообщили гаруспики (Liv. XXIII, 36, 9). Сначала он повторял ауспиции, а потом приносил искупительные жертвы по поводу страшных знамений. Лишь после искупительных жертв он решился переправиться через реку (XXIII, 39, 5). Похожим образом Фабий поступил после взятия Тарента, когда жители Метапонта обратились к нему, приглашая занять их город. Поскольку птицегадания дважды не одобрили его решения, а гаруспик призвал остерегаться вражеских козней, Фабий не пришел в назначенный день и избежал засады (Liv. XXVII, 16, 15).

Очевидно, что подобная история служит для демонстрации преимуществ осторожности Кунктатора и неосмотрительности Марцелла и Гракха, что, возможно, восходит к анналам Фабия Пиктора. Тем не менее само присутствие различных экспертов по религиозным вопросам в свите полководцев и стремление последних прислушиваться к их мнению знаменательно.

Возможно, фиксация подобных фактов в источниках может свидетельствовать о стремлении римлян прибегнуть к новым, более эффективным религиозным практикам, в том числе к новым формам дивинации. Во всяком случае в 213 г. до н.э., как передает Ливий, «от римских обрядов отрекались не тайком, не в своих четырех стенах, а публично», и даже «на форуме и Капитолии толпа женщин молилась и приносила жертвы не по отеческому обычаю» (Liv. XXV, 1, 6-7). Сенат сначала обратился к эдилам и уголовным триумвирам (Liv., XXV, 1, 10), а после их неудачи поручил городскому претору прочесть на сходке сенатусконсульт о запрете на жертвоприношения по чужеземному обряду и необходимости в определенный срок сдать претору хранящиеся дома книги предсказаний и молитв (Liv. XXV, 1, 11-12).

Большое значение приобрели разного рода предсказатели (vates), что не было свойственно римской религии, и новоявленные «жрецы» (sacrificuli), не имевшие отношения к старинным римским жречествам. Е. М. Штаерман полагает, что речь шла о сельских шарлатанах, извлекавших прибыль из заблуждений невежественных людей¹⁵. Предпринятые сенатом меры для борьбы с ними оказались действенными, и в дальнейшем проблема открыто не возникала, хотя, как показал процесс

¹⁴ Дюмезиль Ж. Религия Древнего Рима с приложением, посвященным религии этрусков. М.: СПб., 2018. С. 784.

¹⁵ Штаерман Е. М. Социальные основы религии древнего Рима. С. 109.

о вакханалиях (186 г. до н.э.), она все же оказалась загнанной вглубь, а не решенной¹⁶.

Тем не менее перед лицом подобных явлений сенат пошел на существенную уступку. В ходе розыска хранившихся в частных домах книг предсказаний в руки городского претора Марка Эмилия попала книга стихов, сложенных неким Марцием, которого Ливий называет «славным прорицателем» (*vates inlustris*). Хотя у Ливия упомянут один автор стихов, другая традиция говорит о братьях-прорицателях (Cic. Div. I, 89; II. 113; Serv. Ad Aen. VI, 70; Symm. Epist. IV, 34, 3).

Правдивость одного из стихотворений, предсказывавшего поражение под Каннами, заставила обратить внимание на другое, в котором говорилось о том, что для изгнания врага из Италии необходимо посвятить Аполлону игры и повторять их ежегодно (Liv. XXV, 12). Сенат не только постановил принять этот оракул и истолковать его децемвирам священнодействий в соответствии с Сивиллиными книгами, но и в конечном счете издал постановление о том, чтобы децемвиры принесли жертву Аполлону по греческому обряду и учредили игры «ради победы, а не ради здоровья».

Разумеется, греческие боги были давно известны в Риме, а культ Аполлона существовал по крайней мере с 431 г. до н.э. (Liv. IV, 25, 3; IV, 29, 7)¹⁷. Однако признание и принятие пророческих книг в истории Римской республики — событие едва ли не уникальное. Сенат регулярно принимал меры против неконтролируемой харизматичной дивинации, которая, с точки зрения римских властей, могла представлять угрозу для религиозной организации общины¹⁸.

Если в Риме народ увлекали новоявленные пророки и сенат был вынужден идти на уступки религиозным чувствам людей, то в военном лагере роль экспертов подчас начинают брать на себя сами полководцы. В момент острых испытаний солдатская масса не могла не связывать свою судьбу со своим военачальником, а его успех трактовался как проявление способности внимать божественным знакам и обрести благосклонность богов.

Наиболее известный случай этого рода связан с римским всадником Луцием Марцием, который взял на себя руководство армией в Испании после гибели братьев Публия и Гнея Сципионов в 211 г. до н.э. Ливий посвящает пространное повествование его избранию на военной сходке солдат и успешным действиям против двух карфагенских армий, приведшим к исправлению ситуации и нивелированию последствий разгрома Сципионов. Интересно, что римский историк в данном случае уделяет внимание разбору показаний своих предшественников (анналов Клавдия Квадригария, Валерия Анциата и Кальпурния Пизона), что характеризует его собственный интерес к эпизоду и, по-видимому, стремление указать свои источни-

¹⁶ Сморгков А. М. Римская религия во времена Второй Пунической войны. С. 237. — О связи и сходстве сенатусконсультов 213 г. до н.э. и 186 г. до н.э. см. также: Сухарев А. К. К вопросу о соотношении так называемого «сенатусконсульта о вакханалиях» из Тириоли и сообщения Тита Ливия о преследовании вакханалий в Риме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 4–5. С. 96.

¹⁷ Gruen E. S. The Hellenistic World and the coming of Rome: in 2 vols. Vol. I. Berkeley; Los Angeles, 1984. P. 253.

¹⁸ Burkert W. Signs, Commands, and Knowledge: Ancient Divination between Enigma and Epiphany // Mantiké: Studies in Ancient Divination. Religions in Graeco-Roman world. Vol. 155. Leiden; Boston, 2005. P. 45; Сморгков А. М. Римская религия во времена Второй Пунической войны. С. 237.

ки в рассказе о сомнительных, с точки зрения Ливия, чудесах, связанных с Марцием (Liv. XXV, 39, 12–16).

Упомянутый в числе добычи, взятой войском под командованием Марция во время нападения на карфагенский лагерь, серебряный щит с изображением Гасдрубала Барки, помещенный в храме Юпитера Капитолийского и находившийся там до пожара 84 г. до н. э., приводится в качестве дополнительного свидетельства историчности описываемых событий (Liv. XXV, 39, 17–18; Plin. N. H. XXXV, 14).

Ливий упоминает, что во время его беседы с воинами, они с ужасом увидели, что голова Марция объята пламенем, а сам он этого не чувствовал (Liv. XXV, 39, 17). Валерий Максим трактует это пламя как знамение, которое побудило воинов, до того момента объятых страхом, вновь обрести прежнюю храбрость (Val. Max. I, 6, 2).

П. Крагелунд в статье, посвященной роли видений в римской религии, обращает внимание на появление в речи Марция перед солдатами видений погибших братьев Сципионов. Здесь важно привести слова Ливия, которые он вкладывает в уста Марция: «Ведь, здесь горькая память и оба Сципиона меня днем и ночью отвлекают от забот и мучают бессонницей и часто поднимают ото сна» (*Praesto est enim acerba memoria et Scipiones me ambo dies noctesque curis insomniisque agitant et excitant saepe somno* — Liv. XXV, 38, 5–6). По мнению Крагелунда, указанием на видения Марций как бы оправдывал свое положение командира, не облеченного империем, подтверждая, что ему оказывают поддержку павшие римские военачальники¹⁹.

Другой харизматичный полководец эпохи Второй Пунической войны — конечно, Публий Корнелий Сципион Африканский. Полибий, описывая характер героя, упоминает о внушении им своим войскам уверенности, что все его планы складываются при участии божественного вдохновения, с помощью чего он убеждал подчиненных решительнее идти на опасное дело (Polyb. X, 2, 12). Несмотря на скептическое отношение самого Полибия к тем снам (в частности, тому самому, согласно которому он вместе с братом станет эдилом), он признает, что «все, кто слышал о его сновидениях, вообразили, что Публий беседует с богами не только во сне, но и наяву, днем» (Polyb. X, 4, 5)²⁰.

Как бы Полибий ни восхищался Сципионом, этот скептицизм несколько искажает наш взгляд на то, как сам римский полководец мог воспринимать собственные сны и слова о своем божественном вдохновении²¹. Во всяком случае, вполне очевидно, что многие римляне воспринимали слова своего полководца о консультациях с богами всерьез. На это указывает и Ливий, сообщая, что само требование Сципионом Африки в качестве театра военных действий после разгрома карфагенян в Испании воспринималось в Риме как знак, что войне конец. Стоит привести слова римского историка о надеждах, охвативших римский народ в связи с этим: «Сципион действительно прорицатель: он вытребовал себе Африку, значит, знал, что войне конец» (*P. Scipionis velut praesagientem animum de fine belli quod depoposcisset provinciam Africam* — Liv. XXIX, 10, 7).

¹⁹ Kragelund P. Dreams, Religion and Politics in Republican Rome // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1st Qtr. 2001. Bd. 50. H. 1. P. 82.

²⁰ Полибий упоминает также о сне Сципиона, в котором сам бог Нептун внушил ему идею штурма Нового Карфагена, о котором она рассказал воинам накануне штурма (Polyb. X, 11, 7).

²¹ Kragelund P. Dreams, Religion and Politics in Republican Rome. P. 82.

Последние крупные обращения к разным религиозным экспертам в ходе войны, по всей видимости, были связаны именно с напряженной атмосферой подготовки Африканской экспедиции. Римляне не забыли катастрофы, случившейся с Марком Атилием Регулом в ходе Первой Пунической войны, и потому обращение к Сивиллиным книгам было вполне оправдано (Ливий указывает, что оно было вызвано частым каменным дождем — Liv. XXIX, 10, 4). Полученное предсказание о необходимости перевезти в Рим из Пессинунта Идейскую мать было дополнительно проверено при помощи обращения к Дельфийскому оракулу (Liv. XXIX, 11, 5).

Зачастую данный эпизод трактуется с точки зрения внешнеполитической: римляне завязали дружбу с царем Атталом Пергамским во время войны с Филиппом V, и требовалось подкрепить ее накануне решающего удара по Карфагену во избежание осложнений на Востоке²². Несмотря на наличие в этом акте внешнеполитических мотивов, нам представляется более правдоподобной версия о том, что принятое решение о заимствовании культа призвано было объединить в религиозном порыве всех граждан в тот момент, когда следовало сделать последнее усилие для победоносного завершения войны²³.

Подводя итоги, необходимо отметить одну из основных трудностей, с которой мы сталкиваемся при анализе тех или иных религиозных инноваций в Риме в период Второй Пунической войны: отсутствие второй декады труда Тита Ливия осложняет исследователям восприятие многих процессов, которые происходили в Риме в III в. до н. э. до начала войны с Ганнибалом, в том числе и религиозных.

Несмотря на это, из приведенных фактов, на наш взгляд, можно сделать несколько выводов. Во-первых, Вторая Пуническая война актуализировала многие традиционные практики религиозной экспертизы (чего стоят многочисленные обращения к Сивиллиным книгам и рост значения коллегии децемвиров священнодействий) и заставила обращать внимание на некоторые древние итальянские оракулы (например, дощечки с предсказаниями из Цере и Фалерий). Во-вторых, сенат в этот период активно ищет дополнительные источники религиозного авторитета для ослабления страхов и тревог перед лицом римских неудач на поле боя (в частности, неоднократно обращается в Дельфы, а также соглашается на использование некоторых частных пророчеств, как, например, Марциевы книги). Наконец, мы наблюдаем, что аналогичные процессы поиска новых религиозных авторитетов, а также проверки традиционных способов дивинации (например, птицегаданий) при помощи дополнительных консультаций с этрускими специалистами, происходили и в частной религиозной практике римских полководцев. В конце концов некоторые из них и сами стали брать на себя роль провидцев, способных получать божественное откровение.

На наш взгляд, все это свидетельствует о генезисе кризисных явлений в традиционном римском религиозном мировоззрении, что проявилось позже как в растущем скептицизме римского общества по отношению к традиционным религиозным авторитетам, так и в начавшихся поисках новых источников религиозного откровения в эллинистическом мире.

²² Ревяко К. А. Пунические войны. Минск, 1988. С. 206.

²³ Сморгачев А. М. Римская религия во времена Второй Пунической войны. С. 234.

References

- Beard M. Priesthood in the Roman Republic. *Pagan Priests: Religion and Power in the Ancient World*. Ithaca, New York, Cornell University Publishing, 1990, pp. 39–50.
- Burkert W. Signs, Commands, and Knowledge: Ancient Divination between Enigma and Epiphany. *Man-tikê: studies in ancient divination. Religions in Graeco-Roman world*, vol. 155. Leiden; Boston, Brill, 2005, pp. 29–49.
- Clark J. H. Roman Optimism Before Cannae: The Vow of the “Ver Sacrum” (Livy 22.10). *Mnemosyne*, 2014, vol. 67, fasc. 3, pp. 405–422.
- Dumézil G. La religion Romaine Archaïque, avec un appendice sur la religion des Étrusques. Paris, Payot, 1974. 700 p. (Rus. ed.: *Religiia Drevnego Rima s prilozheniem, posviashchennym religii etruskov*. Moscow, Traditsia Publ.; St. Petersburg, Quadrivium Publ., 2018, 896 p.).
- Eckstein A. M. Human Sacrifice and Fear of Military Disaster in Republican Rome. *American Journal of Ancient History*, 1982, issue 7, pp. 69–95.
- Golden G. K. *Crisis Management during the Roman Republic: the role of political institutions in emergencies*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2013, 245 p.
- Gruen E. S. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*, vol. I. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 1984, 862 p.
- Korablev I. Sh. *Gannibal*. Moscow, Nauka Publ., 1976, 399 p. (In Russian)
- Kragelund P. Dreams, Religion and Politics in Republican Rome. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 2001, Bd. 50, H. 1, S. 53–95.
- Kulishova O. V. Posolstva Rima v Delfy vo vremia Vtoroi Punicheskoi voyny. *Mnemon. Issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira*, issue 5, 2006, pp. 277–286. (In Russian)
- MacBain B. *Prodigy and Expiation: A Study in Religion and Politics in Republican Rome*. Bruxelles, Latomus Revue D'études Latines, 1982, 142 p. (Collection Latomus, vol. 177).
- Miles R. Hannibal and Propaganda. *A Companion to Punic Wars*. Oxford, Blackwell Publishing, 2011, pp. 260–279.
- O'Connel R. L. *The Ghosts of Cannae: Hannibal and the Darkest Hour of the Roman Republic*. New York, Random House Trade Paperbacks, 2011, 310 p.
- Orlin E. *Temples, Religion, and Politics in the Roman Republic*. New York, Brill, 1997, 227 p.
- Rawson E. Caesar, Etruria and the Disciplina Etrusca. *JRS*, 1978, vol. 68, pp. 132–152.
- Revyako K. A. *Punicheskii voyny*. Minsk, Universitetskoe izdatel'stvo Publ., 1988, 272 p. (In Russian)
- Rüpke J. Divinatsiia i priniatie politicheskikh reshenii v epohu Respubliki. *Vestnik drevnei istorii*, 2005, no. 1, pp. 34–48. (In Russian)
- Shtaerman E. M. *Sotsial'nye osnovy religii drevnego Rima*. Moscow, Nauka Publ., 1987, 320 p. (In Russian)
- Smorchkov A. M. Rimskaiia religiia vo vremena Vtoroi Punicheskoi voyny. *Punicheskii voyny: istoriia velikogo protivostoianiia: voenniye, diplomaticheskie, ideologicheskie aspekty bor'by mezhdy Rimom i Karfagenom*. St. Petersburg, Gumanitarnaia akademiia Publ.; Iuventa Publ., 2017, pp. 219–243. (In Russian)
- Sukharev A. K. K voprosu o sootnesenii tak nazyvaemogo “senatus-konsulta o vakhanaliiakh” iz Tirioli i soobshcheniia Tita Liviia o presledovanii vakhanalii v Rime. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriia: Istoriia i istoricheskie nauki*, 2010, no. 4–5, pp. 91–98. (In Russian)
- Toynbee A. J. *Hannibal's Legacy: The Hannibalic war's Effects on Roman life*. Vol. II. London, Oxford University Press, 1965, 752 p.
- Vasilyev A. V. Exempla religioznoi praktiki garuspikov v traktate Tsitserona “O divinatsii”. *Indoevropeskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia*, vol. XXVII (1). *Chteniia pamiati I. M. Tronskogo*. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies, RAS Press, 2023, pp. 216–226. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 3 декабря 2023 г.

Рекомендована к печати 12 октября 2024 г.

Received: December 3, 2023

Accepted: October 12, 2024